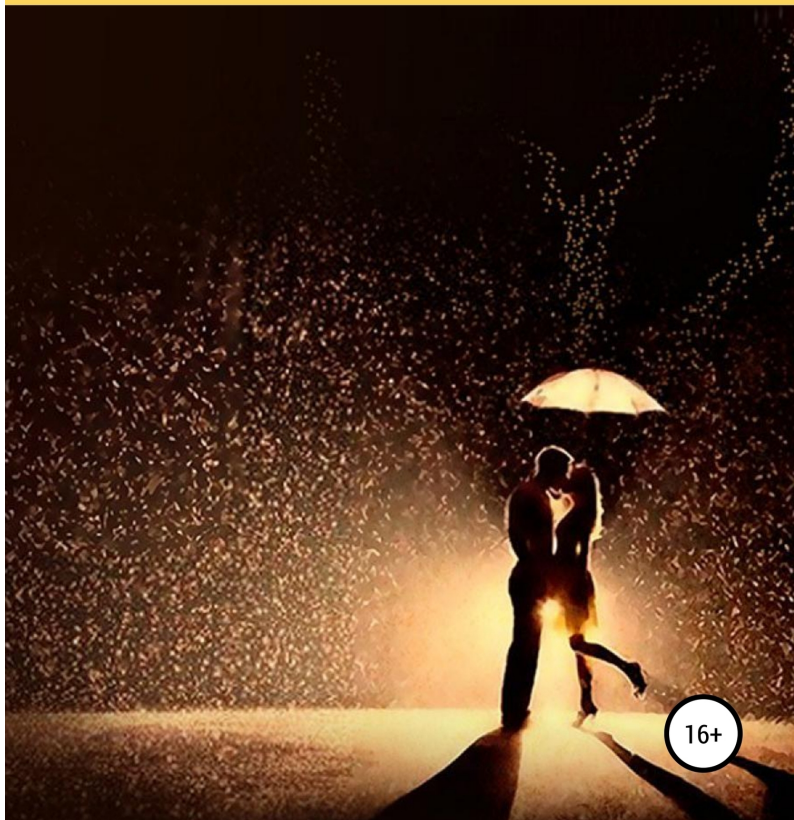

Виктор Калитвянский

*Пьеса для пяти
голосов*

16+

Виктор Иванович Калитвянский

Пьеса для пяти голосов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42348098

SelfPub; 2019

Аннотация

Секретарша мэра любит телевизионщика. А он любит другую. А другая замужем да к тому же на службе мэра, который мечтает уложить её постель. Как всегда, последним обо всём узнаёт муж... Пять монологов движут запутанную историю любви, страсти, обмана, великодушия и – искупления...

Содержание

ГОЛОС ПЕРВЫЙ. СЕКРЕТАРЬ	4
ГОЛОС ВТОРОЙ. ПРЕСС-СЕКРЕТАРЬ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

ГОЛОС ПЕРВЫЙ. СЕКРЕТАРЬ

Итак, пятница, семнадцать тридцать.

Я жду конца рабочего дня.

Я очень надеюсь, что мэр сегодня закруглит свои бесконечные дела вовремя. Или умчится куда-нибудь – на переговоры, на городской объект, – домой, наконец, ведь у него жена и дети. Куда угодно, но пусть он в восемнадцать ноль-ноль, в самом крайнем случае – в половине седьмого, покинет мэрию, тогда и я смогу оставить свою боевую позицию в приемной.

Поэтому я с надеждой смотрю на часы и с опаской – на дверь приемной. Каждый новый посетитель – это угроза моему вечернему счастью.

Но это вовсе не значит, что я не люблю свою работу. Наоборот, я обожаю свою работу, я очень ею довольна. У меня есть с чем сравнивать. Прежде чем попасть в секретари к мэру, я имела горький опыт дрянных служб, где никогда не знаешь, что тебя ждет завтра – копеечная зарплата или увольнение, где мужики смотрят сальными глазами, а женщины за спиной полощут твою личную жизнь.

Наш мэр – настоящий мужчина. Я где-то прочитала, что, если ты не прочь полюбить своего начальника, – значит, служба у тебя хорошая. Так вот, нашего мэра в роли своего мужа или любовника я вполне представляю (хотя он не поз-

волил себе даже намека), поэтому моя нынешняя работа мне очень по душе.

Ещё я люблю свою службу потому, что она дает мне независимость. Ну – почти независимость. Молодой женщине очень нелегко приходится в жизни. Как известно, за всё приходится платить. А женщину в мужском мире, неопытную и симпатичную, да к тому же одинокую-разведенную, принуждают платить известно чем. Я вовсе не хочу сказать, что на каждом шагу нужно с кем-то ложиться в постель, чтобы чего-то добиться. Конечно, это не совсем так, и часто совсем не так, как болтают. Собственно говоря, мне и не приходилось таким образом получать то, на что имеешь право и так, по закону. Но, во-первых, мне известна сотня таких случаев от подруг и знакомых, а во-вторых, я очень хорошо себе представляю, как это происходит, потому что мне приходилось участвовать в первом действии таких драм. Всё делается просто и гадко: приходишь, просишь, ощущаешь себя кроликом. Мордастый удав раздевает тебя своим грязным взглядом и, в зависимости от твоей реакции, предлагает обсудить проблему в более подходящей обстановке... Словом, едва ли не каждая женщина знает, как это происходит, и у каждой есть свои способы выхода из этих поганых ситуаций.

Дверь приемной отворяется, у меня падает сердце, но это – пресс-секретарь, Александра Петровна. Я сама вызывала её к мэру пять минут назад.

– Один? – спрашивает она и, чуть тряхнув головой, про-

ходит в главную дверь.

Я невольно провожаю её взглядом. Я очень надеюсь, что Сашенька будет сегодня последней у мэра. Собственно говоря, так фамильярно зовут пресс-секретаря только друзья. Но мы здесь, в мэрии, за глаза тоже называем её Сашенькой, потому что пресс-секретарю всего тридцать и она – очень эффектная женщина. Не то чтобы писаная красавица – худенькая брюнеточка среднего роста – но есть в ней какой-то шарм, какая-то загадка. Загадка не только для мужчин – их-то обмануть нашей сестре не так уж сложно. Сашенька загадка даже для нас, женщин, и поэтому когда она появляется в любом обществе, её начинают разглядывать не только мужики, но и все бабы. И неизвестно еще, кто пристальней.

Я отношусь к ней спокойно, потому что, во-первых, я моложе её, а во-вторых, она никогда не выпендривается, ведет себя по-человечески. У нас с ней хороший контакт, чуть ли не подружки. Что тут говорить, если Сашенька захочет, она очарует любого. И любую. Но наши женщины, те, до которых она не снисходит, её всё-таки не любят, и много разговоров ходит по поводу её личной жизни. Имеется в виду личная жизнь кроме мужа и семьи. Говорят, что у неё любовники. И кое-кто намекает... как-то даже неловко – на неё и на мэра. Ну да это не наше дело.

У нас своего хватает. У нас, то есть у меня, на восемь назначено свидание с любимым мужчиной. А до этого мне нужно забрать из садика дочку, отвести к моей бывшей све-

крови, выпить с нею чаю, послушать её впечатления-переживания (иначе бы зачем она брала внучку и давала мне свободу известно для чего), купить продукты – и...

Когда я думаю о том, что меня ждет вечером, у меня всё замирает внутри, и снова меня пробирает беспокойство: как бы чего не вышло, помоги Господи, не дай помешать моей встрече с любимым человеком!

Я снова нетерпеливо гляжу на часы, на дверь приемной. И тут начинается: один, другой, третий – всем нужно прорваться к мэру, подписать бумагу, обсудить вопрос. Но тут уж я становлюсь тверда, как скала, и свирепа, как бультерьер. Идут в дело все наработанные методы расчистки приемной. В результате бумаги на подпись – до понедельника, а в приемной остается один-единственный клерк среднего уровня, самый безобидный. Он, наивный, полагает, что получил возможность взахлёб обсудить свою мировую проблему с мэром, но я-то знаю, что разговор будет прямо здесь, у моего стола, на ходу и не более минуты.

Шесть. У меня от волнения начинает сосать в животе, нога моя выстукивает нетерпеливую дробь. Я ничего не могу с собой поделать: одна только мысль, что свидание с Димой может сорваться, приводит меня в отчаянье.

Наконец дверь в мэрскую обитель распахивается, появляется Сашенька. Мэр кричит ей что-то вдогонку, она мило улыбается ему, потом – сидящему бледному клерку и его мировой проблеме. Затем делает шаг к моему столу, чуть при-

саживается на краешек и шепчет мне, что наш мэр сегодня очень словоохотлив, это у него по пятницам дежурное...

Я с удовольствием соглашаюсь. Мы всё-таки очень хорошо понимаем одна другую, недаром ведь Сашенька однажды заметила, что, в сущности, обе мы – секретутки (помните – старый анекдот?). Поострить по мэрскую душу мы любим, но сейчас я давлю смех (у клерка ушки на макушке!) и не могу глаз отвести от Сашеньки: черные глаза блестят, губы живые – вся она, как всегда, очаровательная...

Напоследок я получаю от пресс-секретаря какую-то замечательную ручку: оказывается, сегодня были японцы, галантные, сувениры лились рекой. Сашенька уходит, я опять провожаю её взглядом, словно её секрет может находиться и в этой, задней проекции...

Шесть пятнадцать. Самые тяжкие минуты. Клерк наготове со своей проблемой, не дай господи, ворвется вице-мэр или какой-нибудь городской директор, а ещё хуже – сумасшедший посетитель, который считает, что если он голосовал за мэра на последних выборах (это ещё надо проверить!), то теперь его должны принимать без предварительной записи, да ещё вечером в пятницу!..

Слава Богу, ничего подобного не происходит. Мэр возникает на пороге со своим таинственным портфелем, сорок секунд уходит на клерка, в результате чего мировая проблема отфутболивается на уровень вице-мэра.

– Да, Мариночка! – Мэр озабоченно поднимает палец. –

Александра Петровна не говорила?.. Нет, не могла, я ещё... В общем, найди мне Дмитрия, нашего телевизионного гения. Завтра, в двенадцать, здесь совещание. Договорились?

Я киваю. И при этом изо всех сил держу невозмутимую физиономию. Если б наш мэр только знал, что его поручение будет выполнено с максимально возможной скоростью!.. Нет, я не кинусь сейчас звонить – искать по городу нашего телевизионного гения, то есть директора нашей телекомпании, красавца мужчину, любимца всех баб (чтоб они сгорели!). Нет, я этого делать не стану. Просто этот самый телевизионщик Дмитрий и есть мой любимый мужчина, мой любовник, мой самый сладкий человек после моей доченьки, именно к нему я понесусь во всю силу моих молодых красивых ног, лишь только мне удастся выбраться отсюда да пристроить дочку свекрови!..

И вот, наконец-то, я на улице.

Первое – за дочкой в садик. Мегера-воспитательница смотрит волчицей, улыбается, но – криво. Мы ведь с дочкой последние, а она, бедный педагог, могла бы уже давно бегать по магазинам, сидеть дома и много чего ещё, если б все родители были нормальными да забирали б своих чад пораньше!..

Вот какие мысли написаны у педагога на лбу, но мне на её злобу наплевать, пусть только пикнет, пусть только мой ребенок что-нибудь почувствует, я на неё мигом управу найду. Я совершенно не пользуюсь своим служебным положением,

но, если понадобится поставить на место какую-нибудь за-
разу, колебаться не буду.

Дочка копается со своими кофтами, я дергаюсь, обижаю её, она смотрит на меня со слезой, дуется – господи, я уже сама чуть не плачу! Ну почему, когда всё должно быть хорошо, что-нибудь обязательно не так, через заднее место!..

На улице я нарочно прохожу мимо киосков, чтоб соблазнить дочку на какой-нибудь сникерс. Но дочь, моя гордая страдальца, держится, молчит. Я покупаю им с бабушкой кекс – дочка стреляет глазами, но – ни слова. Характер.

Теперь у меня другая проблема: как улизнуть от чая со свекровью? Ну не хочется мне сегодня ещё и её бзики терпеть! Терпеть, улыбаться и поддакивать. Не могу! Хочу расслабиться, быть свободной, ни под кого не подлаживаться... Но разве так бывает?

И всё-таки сегодня мне везет, наверное, ангел мой хранитель за мои страдания помогает. Свекровь возится на кухне со своей помидорной рассадой. Июнь на дворе, жара, скоро высаживать на даче. Она всегда носится с этой рассадой, все подоконники в квартире забиты ящиками. И вот она смотрит на меня – неуверенно. Вроде с рассадой не закончила, а тут я... Надо бы чайку поставить, помянуть за жизнь, помучить Мариночку, чтоб не казалось медом – когда ребенка бросает и мчится неведомо куда, к кому... Ясное дело – грешить. Куда ж ещё?

– Всё, бабушка, побежала, – говорю я решительно, под-

талкиваю дочку вперед, к свекрови, несу при этом какую-то чушь про задание мэра и отступаю потихоньку к двери.

Свекровь целует внучку, смотрит на меня поверх очков. Я начинаю открывать дверь. Свекровь по-прежнему молчит. Одно движение пальца – дверь захлопнулась. Всё.

Я свободна!

В неопишемом восторге я бегу наружу. Боже мой, теперь ничто не может помешать свиданию. Всё во мне поет, каждая клеточка-жилочка, радостная музыка распирает меня всю. Я, наверное, свечусь каким-то особенным светом, потому что мужики в магазине, где я покупаю мясо, сок, фрукты к нашему с Димочкой ужину, – все мужики пристально смотрят на меня. А я пренебрежительно думаю о них всех, мужчинах, женщинах, думаю: если бы вы знали, что меня ждет сегодня вечером, вы бы усохли от зависти со своей жалкой любовью, со своей ужасной семейной постелью, со своим нищенским сексом!

Вот я уже вбегаю в Димкин подъезд. Прислонившись к стенке лифта, я блаженно и, наверное, – благо никто не видит – греховно улыбаюсь. Нет, то, что случается между нами, – не может быть грехом. То, что делает меня самой счастливой женщиной на свете, – не может быть греховным.

И оттого, что я знаю, что сейчас будет, у меня всё дрожит в груди, в животе, и дыхание мое беспокойно, как будто я уже в его руках.

...Когда на второй день нашего с Димочкой знакомства он

пригласил меня к себе домой, на ужин, – я твердо решила ни за что ему в первый раз не уступить. А может, и во второй. Кто знает, будет видно.

Вечер получился замечательный. Дима рассказывал о своей жизни, слушал меня – он умеет слушать. Я уже собралась уходить, с какими-то перепутанными чувствами. С одной стороны, с ним было спокойно, как с близким надежным человеком. Дима не приставал, не намекал, не рассказывал сальности, не предлагал посмотреть порнушку по видеку, он даже не заводил музыки, не тянул танцевать, – сидит, слушает, рассказывает, ходит мимо меня на кухню, наклоняется рядом со мной, так что я могу ощущать его легкий запах, запах чистого мужского тела... В общем, он как бы вовсе не собирался закончить вечер со мной в постели.

С другой стороны, это его спокойствие как-то даже обижало, вроде бы мои женские чары на него не действуют.

И когда я, громко смеясь и тихо вздыхая, пошла в прихожую, одеваться, у меня внутри что-то сжалось от обиды, – а ведь не на что вроде обижаться, всё произошло, как хотела. Дима уже накинул мне шубу на плечи – и вдруг прижал меня к себе, спиной, так что я с замиранием сердца ощутила всю его твёрдую линию, от лба – через бедра – до коленей. Сладкая судорога прокатилась по моему животу, а он, нахал, повернул меня, как куклу, к себе лицом, запустил руки под шубу, под спину, выдернул кофту из юбки, и пальцы его мурашками прошлись по моей коже.

– И куда же это мы собрались? – прошептал он. – Разве это хорошо?..

Губы его щекотали шею, щёку, губы были сладкие, свежие, а пальцы уже в подмышках моих...

Так, в шубе, он и отнес меня на тахту, так, на шубе, мы сделали в первый раз самое сладкое на свете дело...

Так с тех пор я и живу – как зачарованная.

Дима совершенно не похож на тех трех мужчин, с которыми мне приходилось иметь дело до него. Те были разные, но в постели они вели себя одинаково – слишком осторожно, сдержанно, и при этом стонали и кричали, когда доходило до последнего. Экспериментировать с ними приходилось мне самой – крутиться в постели, дурачиться, менять позы – в общем, как-то разнообразить постельное дело. Откровенно говоря, я уже уверена была, что все мужики такие неоригинальные, скучноватые, пресноватые, а тут...

Этот был и груб, и нежен. И резок, и ласков. Он обращался со мной в постели как с дорогой игрушкой, но вертел так, что дух замирал. Он не кричал и не стонал, ласкал меня молча, нежно и яростно, и только оргазм вырывал из него рычание – рычание проснувшегося зверя. С ним я могла не заботиться ни о чем, ничего не изобретать – он делал всё сам, а ты только лежи, закрыв глаза, и подчиняйся. И как же это прекрасно, когда ты всю себя от пяток до макушки, тело и душу, – можешь доверить любимому сильному мужчине, когда можно ничегошеньки не бояться, ничего не стыдиться –

и не знать уже, где душа твоя, где тело, где небо, где земля, где низ, где верх, – и есть лишь сверкающая, жгучая река наслажденья, по которой ты плывешь под защитой любимых рук...

Нежный медведь – так я называла Диму про себя, и, когда первый месяц бегала к нему, уже в лифте по груди и животу проходила томительная волна, так что стоило ему ко мне прикоснуться, как уже ничего не помнила, ничего не понимала...

Я выхожу из лифта. Навстречу – какая-то молодая и смазливая. У меня вдруг портится настроение. Тут же я соображаю, что выходила девица из другой квартиры, да и как это может быть, чтобы мужчина выпускал одну женщину за минуту до прихода другой... Нет, это невозможно, но часть той радости, какой я жила весь день, улетучивается.

Я подхожу к двери, протягиваю руку к звонку, нажимаю кнопку.

...Иногда мне внезапно, ни с того ни с сего, кажется, что я готова его возненавидеть. Потому что порой мне является подозрение, что не станет он меня любить так же сильно, как я, – никогда не станет.

Эти мысли приходят – и уходят. Потому что – отчего же ему не любить меня по-настоящему?.. Я молода, красива, имею успех у мужчин, многие из них готовы бросить жен, лишь бы я согласилась взять их в мужья. Я, красивая и мо-

лодая, я люблю его всей душой и всем телом. Каждой частицей тела и души. Я готова родить ему ребенка, если захочет – двух. Я готова сделать для него всё, что он пожелает. Ну, почти всё!

Как же он после этого может не любить меня – старый козел, чуть ли не в отцы мне, свихнувшийся на своей телекамере?..

Нет, этого не может быть. Надо только потерпеть. Он стал эгоистом, боится потерять свободу, комфорт, не может переступить через мужские предрассудки. Это пройдет. Я растоплю его сдержанность и холодок. Я затоплю его всего – собой, и когда-нибудь он скажет мне: «Я люблю тебя, дорогая, любимая моя Мариночка».

Он ведь так и не сказал ни разу, негодяй, что любит меня.

Дверь открывается – настежь. Дима стоит за порогом, чуть улыбается – красивый, черная с проседью шевелюра, рубашка на груди расстегнута.

Я вхожу, сдерживаю себя, чтоб не кинуться ему на шею.

– Всё в порядке? – спрашивает он, дотрагиваясь до моего плеча.

Началось. Я глубоко вздыхаю, закрываю глаза и крепко-накрепко прижимаюсь к нему всем телом.

ГОЛОС ВТОРОЙ. ПРЕСС-СЕКРЕТАРЬ

– Ну, договорились? – мэр смотрит на меня тем испытывающим коровьим взором, какой появляется у него, когда не уверен, удалось ли убедить меня.

Я морщу лоб, словно бы в сомнении, – мучаю его, чтоб не думал, что я всегда согласна, только пальцем помани. Я, конечно, человек мэра, пресс-секретарь, но при этом – профессиональный журналист, семейный человек, – яркая личность, в конце концов.

– Хорошо, договорились, – отвечаю и вижу, как просияло его лицо.

Я покидаю кабинет мэра с чувством если не глубокого, то довольно сильного удовлетворения. Ведь если разобраться – кто я? Молоденькая женщина, а от моего взгляда, решения, поворота брови, излома губ зависит настроение серьезных и чиновных мужчин. Не то чтобы я упивалась этим ощущением женской власти, но каждый раз, когда я чувствую эту свою силу, мне и не верится, и смешно, и хочется сказать кому-то: так-то вот, дружок!..

Я делаю шаг из кабинета, а мэр в вдогонку добавляет что-то несущественное. Это для приемной. Я снова улыбаюсь и

отвечаю ему на глазах чиновника мэрии и Маринки-секретарши.

Всё. Дверь прикрыта, остается сказать что-нибудь приятельское Марине, чтоб поддержать наши теплые отношения. Она относится ко мне хорошо – искренне. Марина молода и надеется стать лучше, чем я. Она ещё не понимает, что лучшей женщиной, нежели я, ей не быть никогда. В этом нет ничего плохого или оскорбительного, просто это на роду написано. Наши тетки в мэрии это уже знают, а девчонки-мариночки – нет, им кажется, что у них всё впереди.

Маринка куда-то собралась, нервничает и зло смотрит на несчастного экономиста, который ждет мэра и напуган собственной храбростью.

Я шепчу Маринке, что она хорошо выглядит, про пятничную словоохотливость мэра. И ещё – что не удалось заглянуть в портфель шефа. Это, как говаривают нынешние молодые, наш с Маринкой прикол. Мэр всё время таскает за собой портфель – словно президент ядерный чемоданчик. Дело в том, что ни я, ни Маринка – всё-таки мэрский секретарь-референт – ни разу не видели содержимого портфеля. Не удалось даже застать, чтоб мэр этот портфель открывал. Нас эта проблема очень занимает, но пока мы секрета не раскрыли.

Я покидаю приемную, ещё через пять минут – мэрию.

Я иду по улице, помахиваю сумочкой, гляжу прямо перед собой. На меня оглядываются, пристально смотрят встреч-

ные – я же ноль внимания, хотя вижу и замечаю всё.

Недавно я видела по телевизору фильм про женщину-оборотня. Про женщину-волчицу. Я смотрела фильм, не отрываясь, он на меня как-то сильно подействовал. Почему – не знаю. Но когда я вот так, пружинящей походкой, ловя на себе взгляды окружающих, иду по улице, вдыхая аромат лета, аромат жизни, – я почему-то вспоминаю эту девушку-оборотня, как она в лесу сбрасывает одежду, превращается в волчицу и стремглав несется сквозь лес...

Но подобные образы и неясные желания следует благоразумно держать при себе. Я всё же достаточно образованный, культурный человек, читывала Фрейда и Фромма и сознаю, что хаос чувств и потаенных желаний – это признак душевной смуты. А душевная смута иной раз даже добропорядочную женщину, жену, мать, – заведет туда, откуда нет возврата.

Вот, к примеру. Что сейчас делаю я?

А вот что делает добропорядочная мать семейства, гостиница и журналист.

Она идет на тайную квартиру в тихом доме, где встретится с любовником. В то время как муж забрал сына из садика и они, наверное, сейчас гуляют по городу, счастливые и довольные друг другом.

Если не повезет или, наоборот, повезет, я могу их встретить, потому что они должны гулять где-то здесь.

И вдруг, подчиняясь какому-то порыву, я загадываю: если

сейчас встречу мужа и сыночка, никуда не пойду и вообще – завяжу с любовником.

С острым любопытством смотрю я по сторонам, жду: примет ли судьба – или кто ещё занимается такими контрактами – мой вызов. Но нет, не видно нигде моих дорогих мужчин. Я вздыхаю: грешной женщине никто не поможет, кроме неё самой. Вот перед праведницей, когда она колеблется – соблазниться ли падением, – вот уж тут, наверное, все приметы, намеки и совпадения будут наготове, только соблаз니스ь и погреси.

Что ж, надо идти. Мой тайный любовник будет ждать меня, я обещала, дала слово.

Вот и тихий домик, тихая квартирка. Я стучу в дверь, она тотчас распахивается, мой любовник стоит за дверью так, чтоб его не мог увидеть случайный человек. В том, что мой любовник предпочитает быть не узнанным, нет ничего удивительного, ведь он – мэр.

Да, да, мой любовник – мэр, с которым я простилась час назад в его кабинете. Там мы обо всём и договорились, вернее – он уговорил меня, потому что не так уж и велико моё желание быть любовницей моего начальника-мэра. Собственно говоря, когда по каким-то причинам – а их немало – мы не встречаемся для любовных утех месяц, полтора, два – я не испытываю дискомфорта. А вот мэр...

Мэр хорошо ко мне относится. Очень хорошо. Я не рискую произносить это слово – любит. Я вообще не увере-

на в том, что политики способны кого-то любить. Любовь и политика, если позволится мне переиначить поэта, – две вещи несовместные. Как несовместимы искренность и расчет. Но когда он вот так обнимает меня и по телу его пробегает дрожь, я ощущаю его искреннее чувство, и, какой бы оно ни было глубины, – мне оно согревает душу. Что там говорить, жизнь женщины буквально преображается, становится ярче, пронзительней, когда её страстно желает умный, видный мужчина. А если он к тому же – мэр?

Я понимаю, что это – цинизм. Но что я могу поделать с собой, если мне мало одного мужчины, во всяком случае – одного моего мужа. Хотя он и прекрасный человек. Хотя у нас семья, сын, полная чаша и взаимопонимание. Да, я, наверное, безнадежно испорченная женщина. Я знаю, что отвечу за это перед всевышним. Но... если уж мне нужен ещё один мужчина, пусть им будет мэр, а не какой-нибудь неудачник или тупой новый русский.

Тем временем мэр принялся за дело. Обычно, не совсем уверенный в своей мужской состоятельности, мэр тщательно готовит самую последнюю стадию. Он очень изобретателен, разве что носом не работает. Но сегодня нетерпение подвело его: он кинулся в омут очертя голову, такой крутой мужчина, чуть ли не в прихожей...

И у него ничего не получилось. То есть у него-то как раз получилось, а у меня – нет. Ну да мне не привыкать, я к этому отношусь довольно спокойно, потому что знаю – мир

несовершенен, а мужчины – тем более. С мэром я получаю удовлетворение, наверное, через раз, с мужем – через два на третий. Был, правда, когда-то человек... но, возможно, и с ним происходили неудачи, да со временем подзабылось.

Но мэр внимателен и чуток. Он пытливо смотрит мне в глаза, проверяет – довольна ли я. Понятное дело, я довольна. Я вздыхаю, прикрываю глаза, укладываю его голову себе на плечо.

Мэр спокоен, расслабляется – его мужское реноме подтверждено. В конце концов, нельзя же лишить мэра уверенности в себе. Мэр не принадлежит себе, он принадлежит народу.

– Что ты сказала? – поднимает голову народное достоиние.

Я, кажется, проговорила. Ну да ничего. Я знаю, как управлять мужчинами.

– Что мы должны обсудить? – я начинаю потихоньку одеваться.

С печалью принимает мэр мой недвусмысленный намек на то, что наше время истекает. Он питает несбыточную надежду провести со мной целый вечер, а лучше ночь, и насладиться мною сполна. Но, как известно, лучшее – враг хорошего, и потому я никогда не подвергну мэра такому тяжкому испытанию.

– Я думаю, – говорит мэр, – может быть, привлечь для выборной компании телевизионщика Диму. Очень плотно...

Что ты на это скажешь?

Я в это время застегивала юбку и, услышав о Диме-телевизионщике, неудачно дернула замок, так что поводок остался у меня в пальцах.

Когда я спрашивала мэра, это был просто маневр, женская хитрость, я не ждала никаких обсуждений. Правда, мэр что-то мямлил про избирательную кампанию, когда сидели у него в кабинете, но я не придавала этому значения, так как он всегда волнуется, предлагая мне свидание, и может от смущенья нести любую околесицу.

О чём речь! – думаю я в раздражении. – Если нужно продумать возможности телеящика для осенних перевыборов мэра, – тут и обсуждать нечего, кто бы спорил. Но директора городской телекомпании Дмитрия – в предвыборный штаб?..

В сердцах отшвырнув поводок замка (хорошо, что есть пуговица, да и кофта – сверху), я привожу с полдюжины аргументов против. Моя бурная реакция поражает мэра. Он молчит, потом тихо замечает, что всё это мелочи, главное, чтоб мы – то есть пресс-секретарь и директор телекомпании – сработались.

То есть я – и Дмитрий.

Неубеждённая, иду в прихожую. Мэр, в одних трусах, провожает меня. Он умный человек, он не спорит со мною теперь. Он видит, что у меня испортилось настроение, но не понимает – почему. И относит на свой счет. И надеется, что всё перемелется.

Эх, простодушные мужчины! Знали бы вы, от чего может зависеть настроение ваших жен, невест, любовниц! Впрочем, вам лучше этого не знать, спокойней будете спать.

Взявшись за ручку двери, я вдруг вижу портфель, тот самый так интригующий нас с Маринкой портфель мэра.

– Послушай, – говорю я, – можно тебя попросить об одной услуге?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.